

Рэцэнзіі

Я. В. Януш. **Мова украінскай класічнай драматургіі.**— Львів: Вища школа, 1983.—149 с.

Праца прысвечана аналізу мовы нацыянальнай драматургіі канца XIX—пачатку XX стагоддзя. Аўтар аналізуе лексіка-фразеалагічныя сродкі, раскрывае стылістычныя прыёмы і спосабы аўтарскага падбору матэрыялу з агульнанароднай мовы, вызначае характэрныя рысы мовы драматургіі адзначанага перыяду. Аб'ектам даследавання з'яўляецца вялікі фактычны матэрыял з п'ес І. Карпенка-Карага, М. Старыцкага, М. Крапіўніцкага, І. Франка, Л. Українкі і другіх твораў з залатога фонду ўкраінскай драматургіі.

У прадмове адзначана, што «асноўная ўвага ў працы акцэнтуюцца на кампанентах народна-гутарковай мовы, якія знайшлі ў творах украінскіх драматургаў найбольш шырокае распаўсюджанне, і на выкарыстоўваемых ім стылістычных функцыях» (с. 5).

У першым раздзеле разглядаюцца найбольш важныя пытанні, звязаныя з лексікай народна-гутарковай мовы ў аналізаваных п'есах. Асобныя параграфы прысвечаны грамадска-палітычнай, размоўна-эмацыянальнай, антрапанімічнай, прафесійнай, тэрміналагічнай лексіцы, дыялектызмам, русізмам, стараславянствам, іншамовным словам. Аўтар манаграфіі прасочвае не толькі стылістычныя функцыі, аднак часта асэнсоўвае і семантычнае развіццё слова, спецыфіку яго ўжывання ў разнастайных кантэкстах.

У другім раздзеле характарызуюцца тропы як элемент мастацка-выяўленчай сістэмы. У аналізаваных п'есах даследчыцу цікавяць найбольш важныя з тропі — эпітэты, параўнанні і метафры, якім і прысвечаны асобныя параграфы.

Трэці раздзел прысвечаны народна-размоўнай фразеалогіі і яе выкарыстанню ў мове ўкраінскай класічнай драматургіі. Адзначана, што ў п'есах сустракаецца шмат прыказак і прымавак. Гэта зразумела: асновай драматургічнага твора, як вядома, з'яўляецца прастамовная і гутарковая мова. Асаблівая ўвага звернута на стылістычныя функцыі народна-размоўнай фразеалогіі.

Вялікую цікавасць маюць назіранні, прысвечаныя ФА як сродку стварэння гумарыстычнага і сатырычнага эфектаў, індывідуальна-аўтарскім пераўтварэнням і творчай апрацоўцы ФА. У асобным параграфі разглядаецца важнае, аднак яшчэ недастаткова даследаванае ў айчынай філалогіі пытанне аб афарыстычнасці выказванняў майстраў слова. Адзначана, што найбольшая колькасць афарызмаў належыць І. Карпенка-Карагу і Л. Українцы.

Асобна хацелася б сказаць пра заключэнне манаграфіі. Яно невялікае па аб'ёму, але змястоўнае і важнае на вывады. Аўтар паказвае, што традыцыі ўкраінскіх драматургаў у выкарыстанні народнай лексікі і фразеалогіі творца асэнсоўваюцца і працягваюцца ўкраінскімі савецкімі драматургамі.

Варта адзначыць цудоўнае мастацкае і паліграфічнае афармленне выдання. Навуковае значэнне даследавання Я. В. Януш, несумненна, вялікае: гэта першая ва ўкраінскім мовазнаўстве манаграфія па мове драматургіі канца XIX—пачатку XX стагоддзя. Яна будзе карыснай для спецыялістаў, якія займаюцца вывучэннем мовы мастацкай літаратуры, параўнальным даследаваннем мовы беларускай і ўкраінскай драматургіі.

М. Л. Зуеў

П. Пенчев. **Строеж на българското изречение.**— София: Наука и изкуство, 1984.—165 с.

Теоретические проблемы строения болгарского предложения разработаны слабо. Даже недавно вышедший 3-й, синтаксический, том академической болгарской грамматики, увы, не отвечает научным запросам сегодняшнего дня. И книга П. Пенчева призвана сыграть в данном отношении важную роль.

Автор ставит своей целью проанализировать строение предложения современного болгарского языка в терминах грамматики непосредственно составляющих, т. е., в общем, с точки зрения теории словосочета-

ния. В книге описываются основные типы составляющих (синтаксических групп) и важнейшие трансформационные правила (на материале простого и сложного предложений); в приложении дается формализованный и упорядоченный список тех и других. Исходной теоретической базой для И. Пенчева служат понятия и правила генеративной грамматики 60—70-х годов. И хотя сам автор неоднократно признает неполноту и несовершенство избранной им теоретической концепции, он, стремясь к последовательно формальному описанию, декларативно отказывается от категорий семантического синтаксиса. Однако нельзя не заметить, что «изгнанная в дверь» семантика возвращается и «лезет в окно»: автор то и дело прибегает в своем описании к семантическим критериям. В частности, без учета семантических параметров оказывается невозможным применение трансформационной методики, затруднительна классификация сложноподчиненных предложений.

Кроме такой методологической противоречивости, рецензируемой книге присуща и некоторая фрагментарность. Однако и в данном виде монография И. Пенчева подкупает свежими наблюдениями, тонким и оригинальным анализом фактического материала. Применение современных методик исследования — дистрибутивной, субституционной и др. — позволяет автору нередко достигать выводов, которые для болгарской грамматики можно квалифицировать как новаторские. Это касается, в частности, проблемы силы подчинительной связи и иерархии зависимых словоформ (с. 14—17, 39—42, 70 и др.), развития учения об актуальном членении предложения (с. 56—58), описания условий удвоения местоимений и репризы имени (с. 83—88), функциональной характеристики местоимения *един* (с. 26, 75—76) и др. Впервые в болгарском языкознании получает достаточно строгое выражение противопоставление предложения как языкового инварианта (структурной схемы) и речевого варианта (фразы), чрезвычайно существенное для современной грамматической теории.

Также впервые в болгарской лингвистике И. Пенчев подробно рассматривает систему семантических ролей (функций) в предложении. «Под семантической ролью понимается роль, которую играет предмет, обозначенный существительным, в качестве участника ситуации, обозначенной глаголом» (с. 44). Автор насчитывает пять основных функций: деятель, пациент, экспериментор (субъект восприятия), инструмент и бенефициент. Известно, что другие исследователи склонны выделять большее число подобных категорий (ср. 7 «падежей» у Ч. Филлмора, 14 функций — у В. В. Богданова, 25 — у Ю. Д. Апресяна). Эти количественные различия представляются существенными: при выделении всего пяти семантических ролей сущность последних чрезвычайно расплывается, размывается, и тем не менее значительная часть фактического материала все-таки остается за пределами классификации (так, при помощи указанных выше функций трудно определить семантическую роль существительного в примерах типа *правя гимнастика* или *оказвам доверие*). Добавим, что сам И. Пенчев на с. 96—97 оперирует и по-

нятием семантической роли «объект», не входящей в предложенный им список.

Наблюдая за синтаксическим поведением болгарских существительных *сутрин* и *вечер*, И. Пенчев демонстрирует ряд контекстов, в которых эти слова «ведут себя как наречия» (с. 27); аналогичное функциональное расщепление оказывается характерным и для других лексем: например, в сочетаниях типа *многого книги* первое слово фактически выступает как существительное (по И. Пенчеву — как прилагательное, с. 26). По-видимому, следовало бы вообще смелее говорить о функциональной конверсии в системе болгарских частей речи. Приведем еще один характерный пример. Конструкция типа *Страх ме е* отводится в книге довольно много места (с. 37, 105—106 и др.). Однако их структурная интерпретация как неполных предложений (с эллиптической глагольной частью, ср.: *Страх ме е обхванал*) не может считаться удовлетворительной. С нашей точки зрения, в подобных примерах первое слово утрачивает признаки существительного и превращается в представителя особой части речи — категории состояния (а вся конструкция, что характерно, фразеологизуется: первое слово в ней задается закрытым списком: *страх, срам, грях, грижа* и т. п.).

Интересны наблюдения И. Пенчева над другой специфической особенностью болгарского синтаксиса — беспредложными сочетаниями существительных. Выделяются два основных типа сочетаний (с несогласованным определением-квантификатором и с приложением-квалификатором); внутри каждого из этих типов предусматривается дальнейшее подразделение (с. 28—30). Полученная классификация содержательна и наглядна, хотя автора можно упрекнуть в стремлении несколько идеализировать, упростить фактический материал: многообразные конструкции вроде *изгрев слънце, началник станция* или *рисунка автора* выпадают из поля зрения исследователя. Кроме того, при анализе сочетаний типа *чаща вода* И. Пенчев считает главным членом второй элемент (семантически доминирующий). Однако с позиций грамматической зависимости главным здесь является именно первый элемент, представляющий словосочетание в его «внешних» (по Е. Куриловичу) связях и сохраняющий свободу словоизменения.

Многое в книге заслуживает особого упоминания. Убедительна синтаксическая характеристика вопросительных местоимений в болгарском языке, интересен анализ особенностей порядка слов в различных типах конструкций, плодотворен формальный способ выделения модальных глаголов и т. д. В то же время с автором можно было бы поспорить по поводу трактовки структурной схемы (описываемой И. Пенчевым в терминах частей речи как синтаксических категорий) или выразить сожаление о том, что возвратные глаголы как лексические единицы не отграничиваются им от возвратных форм (страдательных, безличных и т. п.) невозвратных глаголов. В целом же монография ценна новаторским подходом к синтаксическим проблемам: нет сомнения, что она послужит стимулом к новым исследованиям в данной области.

Б. Ю. Норман